

Александр КРЕЙЦЕР¹

О ДВУХ СОСТАВЛЯЮЩИХ БЛОКАДНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ГЕРЦЕНОВЦЕВ

Ленинградская блокада была снята ценой великого числа человеческих жизней, среди которых было много жизней герценовцев. Но многочисленные факты говорят о том, что в ЛГПИ им. А.И. Герцена блокадное сопротивление врагу, прежде всего через продолжение учебных занятий в Ленинграде и в эвакуации, не ослабевало. Такое сопротивление имело и другие хорошо видные формы. И это была фактическая составляющая Победы.

Но среди герценовцев были те, у кого тяжёлые блокадные испытания, как ни парадоксально, вели к высвобождению творческой энергии. В условиях господства смерти они делали выбор не просто в пользу жизни, а в пользу творческой жизни. И тем самым помогали Победе в духовном плане, что не всегда можно было увидеть обычным зрением и не всегда подлежит прямому документированию, но что являло не менее важную составляющую героического сопротивления врагу.

* * *

Блокадная жизнь, описанная в многочисленных воспоминаниях и ставшая предметом не одного исследования, это не совсем фронтовая жизнь. Ведь линия фронта в Ленинграде находилась где-то за городскими границами. Для ленинградца, благодаря суровым физическим и моральным испытаниям, фронтовая линия

---

¹ **Крейцер Александр Викторович** родился в 1957 г. в Ленинграде. После окончания вечернего отделения филологического факультета Ленинградского университета по специальности «русский язык и литература» работал библиотекарем в Библиотеке Академии Наук, школьным учителем, сотрудником Службы безопасности Эрмитажа, редактором в Издательстве СПбГЭТУ «ЛЭТИ», где был также ответственным редактором альманаха «Аптекарьский остров». Член творческого союза музейных работников СПб и Лен. области. Ведущий редактор музея Герценовского педагогического университета. Автор около трёхсот публикаций, в том числе нескольких книг. Живёт в Санкт-Петербурге.

Ольга Берггольц после встречи с ранеными в госпитале № 1014. 1942 г.

*Временный пропуск на право
входа в эвакуогоспиталь № 1014,
располагавшийся в стенах ЛГПИ
и.м. А.И. Герцена*

проходила, прежде всего, через его душу, разделяя в ней тьму и свет, ад и рай.

Но фронтовая жизнь в ЛГПИ стала особенно ощутима, когда в основных зданиях института разместился военный госпиталь № 1014. Уникальные рукописные журналы и фотоальбомы августа 1941 г. — июня 1942 г. представляют эту страницу герценовской жизни.

Студентам пришлось взять над госпиталем шефство и организовать ряд бригад: по обслуживанию красных уголков госпиталя, библиотек-передвижек, кинопередвижек, художественной самодеятельности, по обучению раненых иностранным языкам, пошивочную бригаду, бригады для чтения раненым книг и дежурства у тяжелораненых. Большую моральную помощь оказывали концерты художественной самодеятельности. Об этом свидетельствуют дневники, которые вели сотрудники госпиталя, воспоминания тех, кто в нём лечился и выжил. Всю блокаду ни на один день не прекращала свою работу библиотека института. В отделениях госпиталя насчитывалось 11 библиотечных пунктов. Библиотекари обслуживали около пятидесяти палат. Сотрудникам библиотеки приходилось писать письма тяжелораненым, приносить

им пайки, читать газеты и книги, шить бельё и рукавицы для бойцов армии, заниматься заготовкой дров.

В ноябре — декабре 1941 г. прошли досрочные выпуски студентов, которые должны были учиться по укороченной программе, и 320 человек стали учителями уже «блокадного выпуска».

Герценовцы, как и многие другие жители нашего города, собирали средства в Фонд обороны страны на приобретение боевой техники (на танковую колонну, строительство самолёта «Ленинградский студент»).

Но положение в Ленинграде в связи с голодом, холодом и возможностью оставления города становилось всё сложнее, и по решению Правительства институт приступил к организации эвакуации.

В первую очередь позаботились о детях. Жизнь детей в эвакуации раскрывают письма, рисунки, детские поделки, которые бережно сохранили директора детских домов, среди которых были Г.И. Щукина, А.А. Люблинская. Затем были эвакуированы 112 старейших профессоров в город Молотовск (Нолинск) Кировской области.

В первое время в блокадном Ленинграде работали диссертационные советы. Последнее заседание совета по педагогике состоялось 11 февраля 1942 г. На кафедре неорганической химии проводились опыты по синтезу витаминов; географы работали над составлением военных карт. Учёные в области иностранных языков выполняли работы специального военного назначения.

19 марта 1942 г. основной состав института под руководством профессора С.Л. Рубинштейна был эвакуирован по Дороге жизни на Северный Кавказ. В городе Кисловодске институт находился с конца мая по август 1942 г. Сотрудники института вместе со студентами помогали местным колхозам и совхозам, шефствовали над местными школами, состояли внештатными лекторами Кисловодского горкома и Ставропольского обкома партии. Вынужденная эвакуация из Кисловодска произошла в период с 7 по 19 сентября 1942 г. 19 сентября 1942 г. в Челябинскую область, город Кыштым прибыла первая группа герценовцев. В 1942/43 учебном году в институте на Урале учились 226 студентов, в 1943/44 — около 300 человек. Для учебных занятий определилось место:

Пропуск на территорию
ЛГПИ в военное время

*Зачёт по физике в ЛГПИ им. А.И. Герцена.
Декабрь 1942 г. Справа — доцент С.Е. Лапин*

Кыштымское педагогическое училище и местные школы. В письмах военного времени раскрываются жизнь и быт кыштымцев.

Они собирали деньги на строительство самолёта «Ленинградский студент» и танка «Челябинский колхозник»; посылали фронтовикам посылки, тёплые вещи, письма.

Музей хранит афиши научных конференций и труды, которые проводились и издавались в Кыштыме.

В Кыштыме с сентября 1942 г. по сентябрь 1944 г. институт продолжил научную и учебную работу. План НИР на 1944 г. включал 74 темы. В этот период проводились научные сессии и конференции. Педагогические исследования касались вопросов самостоятельной работы школьников и культуры речи в средней школе. Исследования ураловедческие включали вопросы изучения района обитания, его природы, флоры и фауны, особенностей культуры и истории, языка местных жителей. По инициативе института в Кыштыме были организованы Университет выходного дня и Родительский университет, курсы переподготовки учителей, воспитателей, военруков, старших пионерских вожатых. Возобновила работу аспирантура, за годы эвакуации защищено 38 кандидатских работ. Весной 1945 г. защищено 5 кандидатских диссертаций, сдано в печать 13 учебных пособий для вузов и школ.

А 15 октября 1943 г. уже в блокадном Ленинграде приступил к учебным занятиям филиал ЛГПИ, куда поступило 904 студента на дневное отделение и 425 студентов на заочное. Сохранилось машинописное объявление о приёме в вуз. Открыто было восемь факультетов. Набор студентов осуществлялся на следующие спе-

циальности: история, русский язык и литература, физика, математика, география, биология, химия, дошкольное воспитание, английский, французский и немецкий языки. В 1944/45 учебном году в стенах института обучалось более 3600 студентов. Помимо занятий студентам и преподавателя приходилось заготавливать дрова, очищать мостовые от снега и льда, дежурить на особо важных объектах города.

Уже в 1945 г. институт достиг по большинству показателей довоенного уровня. Весной 1945 г. было выпущено 404 учителя. 1944/45 учебный год стал одним из самых плодотворных в учебно-воспитательной и научной деятельности герценовцев за все годы войны. В период Великой Отечественной войны ЛГПИ им. А.И. Герцена направил в школы 1774 выпускника...²

Студентка Э. Штык, всю блокаду проработавшая в госпитале № 101 на территории ЛГПИ, писала: «9 мая. Победа наша! Сколько всяких смешанных чувств меня переполняют, такие невероятные события. Не могу прийти в себя. Победа. Сколько лет ждали этот день, сколько мечтали о нём. Невский проспект заполнен народом. Ленинград ликует, но и грустит о погибших родных, друзьях, любимых... Ничего не поделаешь..., что мы их потеряли, этим и завоёвана наша Победа»³.

* * *

Но, как уже отмечалось, духовная составляющая Победы не всегда подлежит прямому документированию. Выразителями этой составляющей являются творческие личности, подобные Леониду Хаустову, Ивану Гревсу, Николаю Анциферову, равно как и многие другие герценовцы. До войны поступить в ЛГПИ им. А.И. Герцена было вовсе не легче, чем в ЛГУ. Институт имел отличные педагогические кадры. В нём царил дух творчества. Недаром Герценовский институт в шутку называли во второй половине 30-х годов «ленинградским Литинститутом». Педвуз наш словно принял эстафету от Высших курсов искусствознания при Институте истории искусств на Исаакиевской площади, в чём-то соперничал с Коммунистическим институтом журналистики на

---

² Обо всём этом подробнее см.: Соломин В.П., Колосова Е.М. Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена (ныне Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена) / Высшая школа мужества. Вузы Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2015. С. 185–195.

³ Рубеж стойкости. Герценовская хроника блокадных дней (документы, воспоминания, дневники) / сост.: Е.М. Колосова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 150.

канале Грибоедова, а в чём-то — и с РЛУ (Рабочим литературным университетом) при Доме писателя имени В.В. Маяковского.⁴

Выпускник-филолог ЛГПИ 1941 г. Леонид Иванович Хаустов в поэме «Опасная сторона» описывал, как гениальный переводчик «Божественной комедии» Михаил Леонидович Лозинский в своей квартире на Каменноостровском (Кировском) проспекте, 5 отвечал на вопрос героя произведения Хаустова о том, над чем он сейчас работает:

*И в Ленинграде осаждённом, / Объятом бурей мировой,
Так просто, так непринуждённо, / Но с поднятою головой
Смотреть себе повелевая / Туда — за смертную межу,
Сказал он, папку раскрывая, / Теперь я «Рай» перевожу⁵.*

Лозинский имел в виду третью часть «Божественной комедии», состоящей из трёх частей: «Ад», «Чистилище», «Рай». Но при этом видел в блокадном аду не смерть, а райское человечество, т. е. духовное спасение, помогая грядущей Победе. Так он делал свой выбор.

Герой поэмы «Опасная сторона», в котором угадывается её автор, пришёл к Лозинскому попросить у того экземпляр «Ада» взамен утраченного экземпляра из герценовской библиотеки. Без возвращения этой книги невозможно получить подпись на обходном листе после досрочной сдачи выпускных экзаменов 41-го года. И Михаил Леонидович дарит издание своего перевода просителю.

Цвета обложки библиотечной книжки, которые описывает поэт в своём произведении, — красный с чёрным выдавленным на нём названием «Ад» — не соответствуют реальной окраске обложки перевода Лозинского, поныне хранящегося в вузовской библиотеке. Обложка коричневая с красными буквами, передающими имя автора и название, по центру. Но автор перевода — М.Л. Лозинский, — совпадает с оригиналом. На титульном листе читаем: «Данте Алигьери. Божественная комедия. Вступительная статья А.К. Дживелегова. Комментарии И.М. Гревса. Репродукция рисунков Боттичелли. Государственное Издательство Художественной Литературы. Ленинград. 1939». Возможно, это тот самый экземпляр, который дал герою поэмы и её автору Лозинский и который был возвращён в библиотеку Герценовского университета вместо утраченного.

Гревсовским комментариям в книге предпослана краткая статья учёного «Топография загробных миров у Данте». Учитывая, что знаменитому университетскому профессору Ивану Михайло-

⁴ См. об этом статью Н.Н. Сотникова в книге: Хаустов Л. «Жизнь, которая вправду была». СПб.: Алетейя, 2014. С. 417.

⁵ Хаустов Л. «Жизнь, которая вправду была». СПб.: Алетейя, 2014. С. 292.

вичу Гревсу в момент выхода книги оставалось жить совсем немного, название его последней опубликованной при жизни статьи приобретает символический смысл. Книгу открывает портрет Данте с фрески Джотто — тот самый, который в разных квартирах Гревса, в том числе последней, украшал кабинет профессора над его рабочим столом. В своей статье Иван Михайлович пишет: «Рай занимает наибольшее пространство во вселенной... в эмпирии сходятся все спасённые в общем союзе достигнутого высшего блага, образуя “мистическую розу” Божьего града (civitas Dei), веча Божьего. Они появляются перед Данте в различных небесных сферах лишь для наглядного символизирования ему ступеней в заслугах веры, надежды и любви. Это — иерархия блаженных»⁶.

Ивана Михайловича Гревса тоже можно считать герценовцем. В 1918–22 гг. он преподавал во Втором петроградском педагогическом институте (Петроградском педагогическом институте им. Н.А. Некрасова), слившимся с ЛГПИ им. А.И. Герцена.

А вот как описывают Ленинград блокадной поры герценовцы в случайно сохранившихся воспоминаниях, хранимых музейным архивом нашего университета.

Людмила Феодосьевна Конончук (1923–20...). Доцент кафедры английского языка. Заметка в стенную газету 1985 г.:

«Как только в январе 1943 года была прорвана блокада Ленинграда, я добилась возвращения домой... Никогда я не забуду свой приезд. Я всегда считала и считаю, что Ленинград — самый красивый город в мире. Но никогда, ни до, ни после я не видела его таким прекрасным. Августовский прохладный день был пасмурным. Притихшие улицы были малолюдны. Чёткие подтянутые фигуры военных. Какая-то необыкновенная чистота. И суровая, возвышенная, величественная красота родного города».

К. Старцев. Канд. филол. наук. Член Союза журналистов СССР. Москва, 6 января 1984 г.:

«...Когда я вышел на набережную Мойки и стал лицом к ограде, то был поражён необыкновенной красотой фасада института имени А.И. Герцена. Он был весь покрыт инеем и сказочно сверкал в этот солнечный день... я... смотрел на феерическую картину набережной Мойки с её волшебными, словно вылепленными из снега домами, решётками и деревьями. Февраль 42-го...»

Трудно сказать, чего больше в этих описаниях города, особой его красоты, сдавленной в лапах врага, или предчувствия уже освободившейся красоты Петербурга...

⁶ Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад. Л., 1939. С. 109.

Выпускник 1939 г. отделения языка и литературы, которое размещалось на Мойке, а не на первой линии Васильевского острова, как сейчас, выдающийся поэт Павел Николаевич Шубин писал в стихотворении «Герценовцы», покидая институт:

*Мы ребят научим в школах / Географии сначала.
И пускай ребята эти / Позабудут всё на свете:
Не найдут на карте Камы, / Не заметят Волги-мамы,
Но пускай всегда найдут / Нашу Мойку, ибо тут,
Как картинка в синей раме, / У воды обрёл приют
Самый знаменитый, самый / Герценовский институт!⁷*

Этот образ родного вуза только окреп в сознании герценовцев, переживших блокаду. Павел Шубин уже в студенческие годы руководил поэтической студией. Сам студент, он уже имел «птенцов гнезда Шубина», как любил иронично заметить. Среди этих «птенцов» заметно выделялся студент Леонид Хаустов, который был младше Шубина всего лишь на шесть лет»⁸ и который в 1978–80-е гг. написал стихотворение «Тайна»:

*Из тех девяност / мы помним каждый день.
Победа к нам придёт — / мы верили в беде!
Хотя потеря не счесть, / но мы врага сильней.
Есть в этом тайна? Есть! / Духовность имя ей⁹.*

Преодолевалась смерть не столько физическая, сколько духовная. Ведь погибнуть в тисках ленинградской блокады можно было как физически, так и духовно. В блокадных условиях кто-то становился людоедом. А кто-то писал статьи, преподавал, создавал высокие произведения искусства, так спасая свою душу, независимо от того, умрёт тело или нет...

Ад сменялся раем.

Фактическая и духовная составляющие противостояния врагу находятся в сложных отношениях. Ведь духовную сторону сопротивления не всегда возможно зафиксировать и запротоколировать. Её отзвук можно найти в художественных текстах, порождённых блокадой, и иных источниках. Но без этой составляющей Победы невозможна её другая, фактическая, составляющая.

Санкт-Петербург

---

⁷ Сборник русской поэзии «Лирикон». Шубин Павел Николаевич. Герценовцы [Электронный адрес: <https://liricon.ru/gertsenovtsy.html>]

⁸ Хаустов Л. «Жизнь, которая вправду была». СПб.: Алетейя, 2014. С. 417.

⁹ Там же. С. 256–257.